

За 38 лѣтъ¹⁾.

Отрывки изъ неизданныхъ воспоминаній: посвящаются памяти Милія Алексѣевича Балакирева.

Перепечатка воспрещена.
(Законъ 20 марта 1911 г.).

Часть вторая²⁾.

Вышеприведенное письмо Балакирева произвело на меня своими словами о Торквемадѣ странное впечатлѣніе. Когда я была молоденькой дѣвушкой, Милій Алексѣевичъ высоко ставилъ того, кого онъ называлъ теперь Торквемадой. Онъ пропагандировалъ его сочиненія, считалъ его славянофиломъ, складывалъ въ памяти своей все, что слышалъ объ его политическомъ Credo, и потомъ, при случаѣ, рассказывалъ о слышанномъ съ восторгомъ, съ упованіемъ: что вотъ есть у насъ великій государственный мужъ, настоящій политическій дѣятель...

¹⁾ См. „Русская Старина“. Январь 1914 г.

²⁾ Я получила письмо, въ которомъ мой корреспондентъ указываетъ на нѣкоторыя неточности въ моемъ описаніи обстановки квартиры М. А. Балакирева. Охотно исправляю эти неточности: лампа въ столовой была не висячая, а стояла на столѣ. Въ гостиной не висѣлъ фонарикъ, а стѣнная лампа съ синимъ колпачкомъ. Балакиревъ, по словамъ моего корреспондента, не выносилъ освѣщенія съ потолка и говорилъ, что ему при этомъ „всегда хочется надѣть шляпу или раскрыть зонтикъ“. Портретъ Н. Рубинштейна былъ не небольшой, какъ сказано у меня, а большой, висѣвшій симметрично съ портретомъ Гензельта.

Кн. М. В. Волконскан.

Въ царствованіе Александра II онъ скорбѣлъ, что дѣятель этотъ не у дѣлъ, что силами его пренебрегаютъ, не умѣютъ или не желаютъ воспользоваться на благо родинѣ.

...Одно время лѣтомъ того же года мнѣ было какъ-то особенно тяжело на душѣ. Съ Балакиревымъ я никогда откровенно ни о чемъ не говорила. Онъ былъ внѣ жизни, выше ея и не понималъ того, что мнѣ было больно. Такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, казалось, и я избѣгала говорить съ нимъ о чемъ бы то ни было личномъ. Разъ, утромъ, я ѣхала съ младшей дочерью изъ Гатчины въ Петербургъ и дожидалась поѣзда на дебаркадерѣ. Вдругъ, сзади, ко мнѣ подошелъ Милій Алексѣевичъ. Онъ тоже ѣхалъ въ городъ и, узнавъ, что я ѣду туда же, будто чему-то обрадовался.

— Вы въ какомъ классѣ ѣдете?—спросилъ онъ и, узнавъ, добавилъ: ну-съ все равно-съ. Я къ вамъ сяду. (Онъ вопросительно поглядѣлъ на меня).—Поѣдемте вмѣстѣ, съ улыбкой закончилъ онъ, очевидно читая согласіе на моемъ лицѣ.

Мы сѣли въ отдѣльное купэ, которое открылъ намъ кондукторъ, и на какія-то мои слова, Балакиревъ, понявъ, что мнѣ тяжело, почувствовавъ, что нужно не простое утѣшеніе перемелется, мука будетъ,—а что нужно что-нибудь бѣльшее что-нибудь глубокое,—просто и убѣдительно сталъ говорить о Богѣ.—„И хвала его непритворна была“!..

Сначала онъ говорилъ только о Немъ, потомъ сталъ говорить о себѣ, какъ ему трудно было въ жизни, какъ онъ молодой, здоровый, полный силъ,—не слабая женщина-съ, а работоспособный мужчина—долженъ былъ брать у знакомыхъ, долженъ былъ пользоваться ихъ помощью! — „И бралъ-съ, и думалъ, и считалъ, что Самъ Спаситель помогаетъ мнѣ ихъ руками“.

Онъ долго говорилъ, а я слушала его съ волненіемъ, изрѣдка поглядывая на мою маленькую дочь, тоже не спускавшую съ него глазъ, и радуясь, что наконецъ-то она видитъ его не такимъ, какъ она видѣла его всегда, согбеннымъ, такъ сказать, жизнью и старостью, а выпрямившимся, помолодѣвшимъ отъ дыханія Духа, такимъ, какъ я его знавала въ дни юности моей, и о какомъ я рассказывала имъ, т. е. ей и ея сестрамъ.

Успокоенная, тронутая и умиротворенная пріѣхала я въ Петербургъ...

Милій Алексѣевичъ вдунулъ въ сердце мое увѣренность, что то, что происходитъ въ рукахъ Божіихъ, что такъ, значитъ, надо...

Моя маленькая дочь, которую я спросила: что скажетъ она теперь о Балакиревѣ? къ моей радости, тоже иначе чѣмъ всегда отнеслась къ нему и тоже о чемъ-то какъ будто задумалась и съ чѣмъ-то примирилась...

Въ эту же осень у нея съ Миліемъ Алексѣевичемъ завязались краткія, но все же свои личныя отношенія. Произошло это изъ-за птенчика, выпавшаго изъ гнѣзда, котораго моей дочери принесъ въ подарокъ сынъ кого-то изъ дворцовыхъ служащихъ.

Птенецъ оказался дроздомъ.—Его посадили въ клѣтку, дали ему корма того самаго, котораго даютъ канарейкамъ, дали коноплянаго сѣмени, взятаго взаймы у моего старика-попугая, дали булки сухой, намоченной въ водѣ, въ молокѣ, дали мухъ...

Дроздъ ничего изъ предлагаемаго не желалъ ѣсть, кромѣ мухъ, которыхъ онъ глоталъ усердно, жадно и замѣчательно быстро, требуя еще и еще. Черезъ нѣсколько часовъ онъ намъ, старшимъ, страшно надоѣлъ, а черезъ сутки или двое я положительно не знала, что сдѣлать, чтобы отъ него избавиться. Его вынесли въ проходную комнату, въ родѣ передней, гдѣ стояли сундуки, и черезъ которую надо было проходить въ дѣтскую, но онъ и тамъ мѣшалъ, такъ какъ былъ, страшно, противно нечистоплотенъ.

Моя маленькая дочь, между тѣмъ, не хотѣла съ нимъ разстаться. И вдругъ пришелъ Балакиревъ. Я рассказала ему о моемъ замѣшательствѣ, о любви моей дочери ко всѣмъ животнымъ, о невозможности оставить у насъ дрозда и о горѣ моей дѣвочки, вызываемомъ моимъ желаніемъ вернуть птицу сыну слугителя.

Милій Алексѣевичъ сталъ на сторону моей дочери и выразилъ желаніе помочь ей горю, т. е. узнать, чѣмъ надо кормить дроздовъ.

— Онъ оттого и нечистоплотенъ-съ,—серьезно говорилъ Балакиревъ про птицу,—что вы его не такъ-съ кормите... Да! Да! А это прекрасно-съ, когда дѣти любятъ животныхъ, прекрасно-съ!

Милій Алексѣевичъ ушелъ, а на слѣдующій день, 19-го августа, я получила отъ него письмо, изъ котораго ясно было видно, какъ близко къ сердцу принялъ онъ происшествіе съ дроздомъ.

„Вчера прямо отъ Васъ я отправился къ Фриде и узналъ слѣдующее: дрозда слѣдуетъ пока кормить мякишемъ бѣлаго хлѣба, смоченнымъ молокомъ или водою.—Дня черезъ два M-elle Фриде обѣщала мнѣ дать болѣе точныя свѣдѣнія касательно кормленія дрозда, которыя она добудетъ, справившись у своего знакомаго птицевода.

Она вспоминала Васъ и просить меня передать Вамъ поклонъ.

Совершенно Вамъ преданный М. Балакиревъ.

P. S. Хорошо также кормить дрозда и мухами, но только этотъ способъ я не рекомендую, какъ приучающій дѣтей къ жестокости“...

На другой день, т. е. 20 августа пришло второе письмо по тому же вопросу.

„Глубокоуважаемая княгиня Марія Васильевна.

M-me Фриде сейчасъ прислала мнѣ длинный списокъ родовъ пищи, употребляемой дроздами различныхъ видовъ. Изъ этого списка видно, что всѣ они питаются насѣкомыми, улитками и тому подобными невкусными яствами, но это не исключаетъ возможности питать Вашего птенца мякишомъ бѣлаго хлѣба, смоченнаго водою или молокомъ. — M-elle Фриде именно этимъ способомъ вскармливала своихъ птенцовъ.

Душевно желаю, чтобы Вашъ младенецъ укрѣплялся тѣломъ и духомъ и радовалъ бы Васъ своимъ чириканьемъ.

Искренно Вамъ преданный М. Балакиревъ“.

Къ сожалѣнію, свѣдѣнія, дававшіяся письмами, были крайне недостаточны для выращиванія дрозда. Онъ, очевидно, любилъ „живность“,—какъ люди любятъ мясо, не могъ обходиться безъ нея и, за неимѣніемъ ея, сталъ самъ чистить за собой клѣтку... Исхудалъ страшно, перья его слиплись, во всей передней явился отвратительный запахъ, и наконецъ сама моя дѣвочка поняла, что дальше держать дрозда невозможно.

Въ сентябрѣ всѣ мы вернулись въ Петербургъ, и снова началась зимняя жизнь... и слова, между другими удовольствіями, домашніе концерты Балакирева.

V.

Въ 1899 году Милію Алексѣевичу снова пришлось испытать маленькую неудачу, или точнѣе маленькую непріятность, которую ему тяжело было снести. Онъ написалъ небольшой хоръ на слова: „Боже, Царя храни“. Этотъ хоръ ему не позволили напечатать съ заглавіемъ русскаго національнаго гимна.

Рыдзевскій, несмотря на всѣ просьбы и доводы, стоялъ на своемъ, что этого нельзя, и наконецъ Балакиревъ въ декабрѣ написалъ мнѣ записочку, въ которой сквозитъ усталость его души.

„Дорогая Марія Васильевна.

Сегодня я имѣлъ объясненіе съ Рыдзевскимъ, который упорно стоялъ на своемъ и предложилъ мнѣ назвать мой хорикъ вмѣсто „Боже, Царя храни“, — „Гимнъ русскому Царю“, на что я долженъ былъ согласиться, чтобы избавить себя и моихъ друзей отъ хлопотъ, которыя едва-ли привели бы къ успѣху. Худой миръ вѣдь лучше доброй ссоры.

Сообщаю Вамъ объ этомъ, такъ какъ этотъ вопросъ Васъ интересовалъ“...

Первый концертъ по переѣздѣ въ городъ Балакиревъ далъ намъ 20-го октября снова, по обыкновенію, приславъ мнѣ отъ Циммермана (т. е. изъ его магазина) чудный рояль Баятнера. Предполагалъ и предлагалъ онъ играть раньше (разъ въ „подарокъ“ мнѣ игралъ вечеромъ для меня одной, не считая моихъ дѣвочекъ и ихъ гувернантки послѣ всеобщей, наканунѣ 1-го октября, дня моего рожденія, на моемъ старомъ Steinway), но раньше 20-го концертъ не могъ состояться, такъ какъ то ему было неудобно, то никто изъ моихъ друзей не былъ свободенъ, и концертъ все переносился съ 5-го на 11, съ 11-го на 15-е, при чемъ мѣнялась и программа. Наконецъ 15-го я получила слѣдующее письмо:

„Изъ сообщеннаго Вами перечня удобныхъ дней я избираю среду 20-го числа.—Въ этотъ печальный день вполнѣ умѣстно будетъ чествовать 50-ти-лѣтіе со дня кончины Шопена и исполнить его похоронную сонату.

Видѣлся я также съ докторомъ Логиновымъ, изъявившимъ мнѣ полную готовность служить дѣлу Вашего выздоровленія, въ благопріятномъ исходѣ коего я почти увѣренъ.

Онъ будетъ ожидать Вашего зова.—Сообщаю Вамъ его адресъ: Слоновая улица, 23, Г. М. Логиновъ.

И такъ до пріятнаго свиданія въ среду вечеромъ.

Искренно Вамъ преданный М. Балакиревъ“.

Черезъ четыре дня пришло еще письмо:

„Сегодня я сдѣлалъ распоряженіе о роялѣ, который завтра къ Вамъ принесутъ. — Постарайтесь устроить, чтобы Вашъ старый рояль былъ заблаговременно вынесенъ въ другую комнату.

Согласно Вашему желанію я включилъ въ программу (которую при семъ препровождаю), — Polonaise C. moll, но что касается до другого Полонеза Cis moll, то прошу Вашего позволенія сыграть Вамъ его *въ другой разъ*. Въ данномъ случаѣ онъ не будетъ умѣстенъ. За то *при первомъ* случаѣ я Вамъ его обещаю сыграть.

Конечно я буду къ 8-ми часамъ. Я самъ не люблю позднихъ вечеровъ, и назначенный Вами часъ совершенно совпадаетъ съ моими привычками. И такъ до свиданія.

Искренно Вамъ преданный

М. Балакиревъ“.

Я очень хворала въ это время, чѣмъ и объясняется его предложеніе доктора Логинова, но совѣтчиковъ кромѣ Балакирева у меня.—какъ всегда бываетъ у всѣхъ больныхъ,—нашлось много, и я, такъ какъ Логиновъ былъ совершенно неизвѣстенъ никому изъ моихъ близкихъ, выбрала другого врача. Этого долго не могъ простить мнѣ Милій Алексѣевичъ и, между прочимъ, въ отвѣтъ на поздравленіе, которое я послала ему ко дню его именинъ, отвѣтилъ мнѣ слѣдующей язвительной запиской:

„Глубокоуважаемая Княгиня Марія Васильевна

Премного благодаренъ Вамъ за Вашу память о моихъ именинахъ. Сожалѣю, что Вы поскупились на извѣстія о Вашемъ здоровьѣ. Желательно бы знать, началось ли Ваше лѣченье у доктора, рекомендованнаго княгиней **, и *когда* онъ предлагаетъ Вамъ возможность подниматься по лѣстницамъ, а (слѣдовательно) мнѣ возможность имѣть удовольствіе видѣть Васъ своей дорогой гостьей.

Совершенно Вамъ преданный

М. Балакиревъ“.

Затѣмъ, придя ко мнѣ вечеромъ, Милій Алексѣевичъ не стѣсняясь присутствіемъ брата этой дамы, вдобавокъ человѣка, котораго онъ глубоко цѣнилъ и уважалъ—обратился ко мнѣ со словами:

— Какъ можете-съ вы слушать *.*.—Онъ сверкнулъ глазами и гнѣвно продолжалъ:—Вѣдь у нея-съ куриные мозги-съ...— и картиннымъ жестомъ, быстро разжимая, сжимая кулаки и ударяя то тѣмъ, то другимъ, по противоположной ладони, онъ показалъ, какіе у дамы мозги.

— Милій Алексѣевичъ, это сестра вотъ... — прервала я, страшно смущенная, и жестомъ показала на присутствовавшего господина.

— Ну такъ что же-съ, что сестра-съ?—не унялся Балакиревъ—Я вамъ рекомендую-съ врача, въ которомъ увѣренъ, что онъ вамъ поможетъ,—я убѣдился въ этомъ на опытѣ съ другими больными (я вамъ вѣдь рассказывалъ),—а вы слушаетесь свѣтскую даму-съ...

Я стала что-то отвѣчать, чтобы затушевать рѣзкія выраженія моего стараго друга, и разговоръ на скользкую тему прервался. Но надо отдать справедливость добрѣйшему и великодушному NN. Онъ въ ту же минуту совершенно забылъ и простилъ Милію Алексѣевичу его выходку и съ годами сталъ все больше цѣнить и любить Балакирева.

...Въ эту осень по поводу сильно распространявшагося въ обществѣ католицизма у насъ съ нимъ снова начали происходить богословскіе разговоры. Въ декабрѣ же онъ прислалъ мнѣ въ подарокъ книгу Прокоповича: „Письма православнаго отца къ сыну съ милѣйшимъ письмомъ“, которое я вклеила въ книгу Прокоповича, а въ отвѣтъ на мою благодарность слѣдующія строки: (сначала въ открытомъ письмѣ отъ 21 декабря, а потомъ и въ закрытомъ).

— „На стр. 101 присланной Вамъ книжки, найдете неоспоримое подтвержденіе православности папы Дамаза, предсѣдателя 2-го вселенскаго Собора, на которомъ Символь вполнѣ законченъ исповѣданіемъ Св. Духа.

М. Б.“

„Глубокоуважаемая княгиня Марія Васильевна.

Весьма радъ, что Вы довольны присланной Вамъ книжкой Прокоповича. Хотя я не могъ отыскать въ моемъ изданіи постановленій Вселенскихъ соборовъ анаемы на посягающихъ

на символъ вѣры, за то указанная мною на стр. 101 энциклика папы Дамаса равносильна тому, что я Вамъ говорилъ. Знаменательно, что въ подтвержденіе 2-го вселенскаго собора Папа собралъ мѣстный соборъ въ Римѣ, которымъ *провозглашена анагема на тѣхъ, кто не исповѣдовалъ бы, что Св. Духъ имѣетъ бытіе отъ Бога Отца, какъ и Сынъ Божій и есть истинный Богъ.* — Нынѣшніе католики окончательно посрамлены и отлучены отъ церкви этой энцикликкой.

Вы интересовались знать о времени введенія опрѣсноковъ въ Римской Церкви. Въ концѣ стр. 225 вы найдете достовѣрное свидѣтельство о томъ, что еще въ IX-мъ вѣкѣ опрѣсноковъ не было въ употребленіи въ Римской Церкви. Это свидѣтельство подтверждается и далѣе, и на стр. 239 вы найдете изложеніе окончательнаго раздѣленія церковей, совершавшагося при патріархѣ Михаилѣ Керулларіѣ.

Надѣюсь, что эта книжка Васъ вполне удовлетворитъ.— Недостатокъ ея—это излишнее распространеніе о томъ, что уже сказано и безъ того ясно и убѣдительно.

Пишу къ Вамъ съ тѣмъ, чтобы Вы не отрывались отъ Вашихъ спѣшныхъ работъ и отнюдь не отвѣчали бы мнѣ теперь, когда Вы такъ заняты.

Искренно Вамъ преданный

М. Балакиревъ“.

Приблизительно въ это же время, я первый разъ въ жизни дала ему прочесть нѣсколько моихъ маленькихъ разсказовъ.

Беллетристики онъ обыкновенно не читалъ, о чемъ я отъ него самого слышала еще въ молодости, не читалъ даже Толстого, „не интересуясь имъ“—какъ онъ выражался. Тѣмъ съ большей опаской дала я ему мои произведенія, выбравъ такія, гдѣ не было ничего романическаго.

Къ удивленію моему, онъ прочелъ ихъ быстро и также, какъ всегда теперь, тотчасъ написалъ мнѣ нѣсколько строкъ.

— „Съ благодарностью возвращаю Вамъ при семъ Вашу книжку, которую прочелъ съ большимъ удовольствіемъ и съ большимъ интересомъ. По поводу ея поговоримъ при свиданіи“...

Разказы мои были слѣдующіе: „Отрывки изъ Неизданныхъ Воспоминаній“ (Первая Любовь Тургенева), „Одинъ изъ Малыхъ сихъ“ и еще какой-то.

При первомъ же свиданіи, которое произошло у него на дому, въ вечеръ концерта, онъ очень просто и благосклонно отнесся къ этимъ рассказамъ, назвалъ ихъ „таланливыми повѣстухами“, узналъ дѣйствующихъ лицъ въ первомъ рассказѣ, сказалъ, что они вылитые, что на него такъ и пахнуло прошлымъ. Второй рассказъ онъ назвалъ прелестнымъ—и сказалъ, что ему особенно понравилась реальность, напр. то, что я назвала мальчика Антипой, — т. е. что дала имя, которое дѣйствительно можетъ приходиться въ субботу страстной седмицы, и что я вѣрно подмѣтила нелюбовь русскаго духовенства къ слову „попъ“.

— Да-съ. они, дѣйствительно, теперь велятъ называть себя священниками, — сказалъ онъ, блестя глазами, — забывъ, не зная, что „попъ“ слово древнее, благочестивое, означающее отецъ, папа... А что такое „священникъ“? Въ каждой языческой религіи есть священнослужители, т. е. священники. Отцовъ же, или батюшекъ, или поповъ — вы найдете только въ христіанствѣ. Но они этого не понимаютъ-съ, и не вина народа, что слово отецъ, попъ стало бранимымъ. Вина всецѣло самихъ ихъ...

Съ этой минуты онъ сталъ интересоваться моими работами. По его желанію я дала ему мою повѣсть: „Пѣсни спѣты“. Эта книжка уже не была такая маленькая, тоненькая, какъ первая. (Вдобавокъ въ ней есть „любовь“). Онъ взялъ ее съ какой-то неловкостью, напомнившей мнѣ мою юность, когда онъ разъ, въ Петергофѣ, лѣтомъ принесъ мнѣ изъ дому въ садъ мою большую, соломенную шляпу, — взялъ книжку и... не прочелъ ее, а далъ прочесть какой-то своей знакомой, послѣ чего у него пропала охота читать эту повѣсть.

Когда, послѣ довольно большо перерыва, я наконецъ спросила его: почему онъ ничего не говоритъ мнѣ о „Пѣсняхъ спѣтыхъ“ онъ рѣзко-стремительно отвѣтилъ:

— Я самъ ихъ не читалъ-съ. — Нѣтъ! Мнѣ моя знакомая, которой я далъ книги, рассказала, что тамъ у васъ артистка-съ въ первой же сценѣ перебиваетъ игру другого артиста... Развѣ это дѣлается-съ?.. — (онъ суровыми глазами посмотрѣлъ на меня). — Какая же она артистка-съ?! — (Онъ постучалъ рукой по столу) — Ну, вотъ, узнавъ это-съ, я и не сталъ читать.

Съ улыбкой и, разумѣется, смущеніемъ слушала я его, и мнѣ приходило въ голову: — что хоть это и вѣрно подмѣченная психологически „невѣрность“ въ моей повѣсти (которую я и

сама не очень любила; она написана на англійскій ладъ, для молодыхъ дѣвушекъ), всеже не вся же повѣсть заключается именно въ этой неудачной сценѣ, и что надо же было ему дать читать повѣсть такому недоброжелательному критику, какъ его да-а-а-ма!!!

Въ 1900 году кромѣ дѣлъ капеллы и С. М. Ляпунова, Балакиревъ сталъ хлопотать о какомъ-то мальчикѣ Ш—мъ, дворянинѣ по отцу, котораго мать, вдова, по бѣдности, никуда не могла опредѣлить, и котораго задумали отдать въ ученіе къ цирюльнику.

Это рѣшеніе глубоко возмутило и опечалило Балакирева. Онъ принялъ мальчика подъ свое особое покровительство, сталъ хлопотать о немъ вездѣ, гдѣ только могъ, у всѣхъ, кого только зналъ, между прочимъ, у Григорія Григорьевича Даниловича и Озеровыхъ и неотступно напоминалъ о немъ, молилъ за него.

Не получая однако быстрого, благопріятнаго отвѣта на свои мольбы, онъ не вытерпѣлъ и написалъ мнѣ письмо, которое я привожу въ сокращенномъ видѣ.

„Глубокоуважаемая княгиня Марія Васильевна.

Посылаю Вамъ только-что полученное письмо Дворянки (по мужѣ) Анны Павловны Ш., изъ коего Вы увидите, что нужно поспѣшить устройствомъ куда-либо сына ея Георгія, о чемъ я передъ праздниками просилъ NN. Мнѣ казалось, что для нея не представитъ затрудненія, благодаря близкому родству съ ** пристроить мальчика въ какое-либо заведеніе, но самъ я не рѣшаюсь повторить эту мою просьбу.

Озеровы такъ сердечно отнеслись къ положенію капеллы и такъ много уже сдѣлали изъ того, что могли сдѣлать, что беспокоить ихъ еще какой-либо просьбой я не могу рѣшиться, а потому обращаюсь къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбой или напомнить NN о мальчикѣ Георгіи Ш—мъ, или, если напоминаніе Вы найдете неумѣстнымъ, возвратите мнѣ письмо Ш—ой, и тогда я буду выискивать другіе пути для устройства ея симпатичнаго мальчика.

Душевно Вамъ преданный М. Балакиревъ“.

Увы, на этотъ разъ мои друзья не могли быть ему полезны. Всѣмъ всегда кажется, что человѣку легко пристроить помѣ-

ститъ мальчика или дѣвочку въ какое-нибудь учебное заведеніе или пріютъ и т. д.—разъ человѣкъ этотъ болѣе или менѣе у власти. На самомъ дѣлѣ и людямъ у власти очень трудно бываетъ это сдѣлать, и въ этомъ случаѣ такъ это и оказалось для моихъ друзей, но зато Г. Г. Даниловичъ помогъ Балакиреву, и черезъ нѣкоторое время, я получила отъ моего дорогого стараго друга письмо, въ припискѣ къ которому онъ говорилъ: „Г. Г. Даниловичъ выхлопоталъ моему protégé—стипендію“.

Черезъ годъ или полтора, по случаю того, что мнѣ самой представилась возможность помѣстить какого-нибудь мальчика въ одно изъ лучшихъ учебныхъ правительственныхъ заведеній, въ отвѣтъ на мое предложеніе, Балакиревъ написалъ мнѣ письмо, въ которомъ съ восторгомъ говорилъ, что этого Ш. уже не нужно, что protégé его уже давно хорошо устроенъ въ Москвѣ, въ Ремесленномъ училищѣ.

Въ этомъ же 1900 году Милій Алексѣевичъ сталъ присылать мнѣ записочки и письма своихъ иностранныхъ корреспондентовъ (особенно англичанъ и американцевъ) для перевода на русскій языкъ, и для разбора неразборчиво написанныхъ словъ, французовъ.

Такъ разъ онъ прислалъ мнѣ тщательно скопированную имъ самимъ фразу изъ письма къ нему профессора Парижской консерваторіи Бурго Дюкюдрэ и написалъ мнѣ, что выписываетъ всю фразу для того, чтобы я по смыслу могла догадаться, какія слова написаны въ письмѣ.

Въ это время онъ былъ опять боленъ, или вѣрнѣе, сердечная болѣзнь его въ это время обострилась (почему ему былъ прописанъ его любимымъ докторомъ Бородулинымъ, зятемъ покойнаго профессора С. П. Боткина, продолжительный курсъ молочнаго лѣченья), и самъ лично онъ у меня не могъ часто бывать.

Не помню, отвѣтила ли я, т. е. успѣла ли отвѣтить ему на это письмо или нѣтъ (слова не представляли затрудненія для разбора), но на слѣдующее утро я получила вновь записку:

„Глубокоуважаемая княгиня Марія Васильевна.

„Мнѣ очень совѣстно, что я Васъ по пустякамъ беспокоила вчерашнимъ письмомъ.—Пришелъ Ляпуновъ и помогъ мнѣ разобрать слова въ письмѣ Бурго Дюкюдрэ, которыя я не могъ

понять.—Кромѣ того, онъ мнѣ сообщилъ важное извѣстіе: въ газетахъ было, что въ понедѣльникъ Рыдзевскій представлялся Ея Величеству въ Аничковомъ Дворцѣ“...

Дальше, къ сожалѣнію, не представляется возможнымъ опубликовать это письмо.

Въ тотъ же день вечеромъ я получила еще письмо съ повтореніемъ извиненій за то, что онъ изъ-за вздора оторвалъ меня отъ серіозной работы. Письмо было съ нужной мнѣ для работы справкой. Справка эта касалась величанья Воскресенью, и онъ писалъ мнѣ слѣдующее:

— „Вамъ нуженъ текстъ величанія Воскресенью, вотъ онъ: „Величаемъ Тя Живодавче Христе насъ ради во адъ сшедшаго и вся съ Собою воскресившаго“.

Я не имѣю книги, въ которой это величаніе было бы означено, и пишу Вамъ его на память съ увѣренностію, что я не ошибся ни въ чемъ.

Дорогимъ Вашимъ искренній мой поклонъ.

Преданный Вамъ М. Балакиревъ“.

Въ концѣ перваго письма отъ 3-го марта, въ припискѣ онъ сообщалъ мнѣ, я забыла сказать, что въ состояніи его здоровья послѣдовало небольшое улучшеніе.

Затѣмъ 5-го марта, въ отвѣтъ на мой вопросъ: въ какой исторіи можно прочесть подробныя свѣдѣнія о Чехіи? онъ написалъ мнѣ слѣдующее:

„Интересующія Васъ свѣдѣнія о Чехіи Вы прочтете въ полномъ собраніи сочиненій Гильфердинга, состоящемъ, сколько помню, изъ двухъ только томовъ, которые, въ настоящее время, составляютъ библиографическую рѣдкость. Къ сожалѣнію, я не имѣю ихъ, иначе охотно ссудилъ бы ими Васъ.

Попробуйте справиться о возможности ихъ добыть въ конторѣ Славянскаго общества, помѣщающагося въ угольномъ домѣ (на площади Александринскаго театра), примыкающемъ къ дому министерства внутреннихъ дѣлъ“...

Въ апрѣлѣ же, т. е. черезъ шесть недѣль послѣ начала молочнаго леченія, въ здоровьѣ его произошло такое улучшеніе, онъ почувствовалъ себя настолько лучше, настолько молодцомъ, что со своей всегдашней готовностію и желаніемъ сдѣлать пріятное друзьямъ, написалъ мнѣ слѣдующія строки:

„Глубокоуважаемая княгиня Марія Васильевна.

Очень желаю знать, въ какомъ положеніи Ваше драгоценное здоровье. Я собираюсь въ началѣ мая переѣхать въ Гатчину и мнѣ хотѣлось бы имѣть удовольствіе передъ отъѣздомъ Васъ всѣхъ видѣть у себя.

Душевно Вамъ преданный М. Балакиревъ“.

24 апр. 1900 г.

Затѣмъ 8-го мая новое письмо, въ которомъ, на третьей страницѣ, онъ присоединилъ программу своего концерта.

Концерты его я съ семьей и мои ближайшіе друзья Д. А. и Е. П. Озеровы очень любили, испытывая то рѣдкое счастье, которое доставляетъ истинно прекрасная музыка. Но въ эти первые годы моего вторичнаго сближенія съ Миліемъ Алексѣевичемъ, мнѣ казалось, что ему не можетъ доставлять удовольствіе играть мнѣ одной въ маленькомъ кругу моихъ близкихъ, и я, съ моими друзьями, мысленно отыскивала: кого можно было бы еще пригласить послушать игру Балакирева, кому доставило бы это искреннее наслажденіе?

Увы, какъ ни искали мы мысленно такихъ людей, — ихъ было не много. Помню, какъ разъ я пригласила на такой концертъ дорогую и знакомую мнѣ съ моего дѣтства женщину изъ педагогическаго міра. Насталъ вечеръ, пріѣхали другіе приглашенные, а она нѣтъ. Мы ждали ее до 9-ти часовъ (съ 8-ми). Смущенно просила я Милія Алексѣевича, который проносилъ свои гм-гм, повременить еще пять минутъ, еще... Минуты проходили за минутами, ее ждали, а она все не пріѣзжала.

Наконецъ концертъ начался и прошелъ безъ нея. А послѣ концерта Балакиревъ, со свойственнымъ ему серьезнымъ сарказмомъ, обратился ко мнѣ, смущенной, недоумѣвавшей, почему ее не было?—со словами:

— Вы думаете, что она, дѣйствительно, хотѣла быть? Ошибаетесь! вмѣсто концерта она предпочла, конечно, извлекать у себя дома ко-оорни-съ! Да! Да!.. Вѣдь она математичка? Не такъ ли-съ? Ну вотъ-съ, она и извлекала корни...

... Въ другой разъ на концертъ Милія Алексѣевича я пригласила довольно много свѣтскихъ людей. Между ними была и милѣйшая А. І. В—ва, вдова извѣстнаго меломана генерала В., знакомаго также и Балакирева. Шведка по происхожденію,

дама эта приняла православіе, „обожала“ память своего мужа и сама по себѣ принадлежала къ породѣ людей съ „артистическими склонностями“. Она и немного пѣла, и немного рисовала, и играла на фортепіано, и занималась мелодекламаціей, тогда только еще входившей въ моду. Последней она очень интересовала знакомыхъ, такъ какъ мелодекламировала по-шведски, всегда что-нибудь крайне трагичное, переводила лишь вкратцѣ сюжетъ передъ началомъ по-французски, и сама блѣднѣла до зелени во время исполненія, переживая душой всѣ передаваемые ею ужасы скандинавскихъ мрачныхъ сагъ, легендъ, стихотвореній и пр.

Балакиревъ священнодѣйствовалъ на концертахъ и молчаливо требовалъ, чтобы священнодѣйствовали и всѣ присутствующіе. Никто изъ запоздавшихъ не впускался въ гостиную, никто не смѣлъ выйти изъ нея. Лакеи не смѣли открыть двери. Словомъ это былъ настоящій концертъ, не свѣтское увеселеніе, когда „вѣжливо“ разрѣшается всѣмъ перешептываться, пересмѣиваться, заниматься flirt'омъ и пр., т. е. иными, Пушкинскими словами, переведенными на прозу, разрѣшается „плевать на тотъ алтарь, гдѣ горитъ огонь и въ дѣтской рѣзвости колебать оракульскій треножникъ“...

Этого плеванія и колебанія Балакиревъ не выносилъ, и всѣмъ приглашаемымъ на концерты это ставилось на видъ.

Всѣ всегда, разумѣется, и вели себя крайне корректно, молодые, боясь даже двинуться.

Также корректно держала себя и М-ше В., восторженная по природѣ, но по окончаніи концерта, когда всѣ встали, чтобы перейти пить чай,—она, раньше никогда не слыхавшая игру Милія Алексѣевича, вдругъ, громко обратилась ко мнѣ со словами:

— *Princesse, mais où demeure donc cet ange?*

Окружавшіе насъ засмѣялись, Балакиревъ, стоявшій еще у рояля и бесѣдовавшій съ кѣмъ-то, поднялъ глаза и посмотрѣлъ на меня, а я, улыбаясь ему, повторила слова М-ше В.

— Милій Алексѣевичъ, М-ше В. спрашиваетъ про васъ: гдѣ живетъ этотъ ангелъ?

Въ первую секунду Балакиревъ, не разслышавъ слова: „про васъ“, не понялъ, о комъ шелъ вопросъ, но когда Е. А.^{***} и еще другіе сказали ему: — „про васъ, про васъ М-ше В. это спрашиваетъ“, — онъ даже весь вздрогнулъ, потомъ по лицу

его побѣжали какія-то свѣто-тѣни и, поднявъ отъ крышки рояля немного руки, онъ произнесъ съ укоромъ:

— Ахъ, Бо-о-оже мой! — потомъ смущенно, открывая старческій, беззубый ротъ, засмѣялся.

Тѣмъ дѣло бы и кончилось, если бы М-ше В., съ которой благодушно сталъ бесѣдовать Балакиревъ, узнавъ отъ него его адресъ и то, что онъ почти всегда живетъ и жилъ въ Петербургѣ и пр., не обратилась къ нему съ вопросомъ: — знакомъ ли онъ съ „Crescendo Lassong'a“?

Въ одинъ мигъ все благодушное выраженіе исчезло съ лица Милія Алексѣевича, сбѣжало, какъ съ перьевъ вода.

(Вѣрно такъ посматрѣлъ на говорившихъ соловей въ баснѣ Крылова).

— Нѣтъ-съ, не знакомъ! — отрѣзалъ онъ, и глаза его, встрѣтившіе мой взглядъ, метнули насмѣшливыя искры, а М-ше В., между тѣмъ, восторженно закатывая глаза, продолжала:

— Ахъ, неужели вы незнакомы? Вамъ слѣдовало бы его играть!.. Именно вамъ. Lassong... онъ умеръ въ чахоткѣ. Онъ только это Crescendo и написалъ и... умеръ... Вотъ фрейлина О—ни тоже не знала Crescendo, но когда я сыграла ей его, она пришла въ такой восторгъ... въ такой!..

Балакиревъ давно издавалъ свои гм-гм, давно съ ехидно-язвительнымъ и вмѣстѣ наивнымъ видомъ, прищурившись, повторялъ: Лассонъ, Лассонъ! Никогда имени его не слыхалъ-съ, — и обводилъ присутствовавшихъ глазами, а я стояла и не знала, какъ прекратить совершенно излишнія изліянія нашей бѣдной свѣтской знакомой.

Долго потомъ, и въ этотъ вечеръ, когда всѣ развѣхались, и послѣ, приходя ко мнѣ, вспоминалъ Балакиревъ объ этомъ разговорѣ и смѣшилъ меня, рассказывая, какъ Lassong написалъ сначала Crescendo, а потомъ Diminuendo, послѣ котораго... н-да,—да, и умеръ!..

Послѣ концертовъ за чаемъ и легкимъ ужиномъ Милій Алексѣевичъ, зная, что людей надо занимать, чувствуя, что этого отъ него ждутъ, что иначе временами будетъ наступать молчаніе,—портящее вечеръ, какъ портятъ ткань не затканныя, голыя, съ просвѣчивающей основой мѣста, всегда переходилъ на близко знакомую ему жизнь двухъ сановниковъ, одинъ изъ которыхъ былъ даже нашимъ другомъ, прохаживался на ихъ

счетъ, рассказывалъ безобидные анекдоты, острилъ и смѣшилъ всѣхъ.

Серіозно, т. е. на серіозныя, близкія его душѣ темы онъ въ эти вечера никогда не говорилъ. Помню, какъ разъ онъ насмѣшилъ всѣхъ до слезъ, рассказавъ о томъ, какъ какой-то французъ, пріѣхавшій въ Петербургъ для изученія русской свѣтской жизни, чтобы написать потомъ романъ изъ этой жизни, обратился къ кому-то съ просьбой-вопросомъ:

— Скажите мнѣ, есть у русскихъ особыя, національныя имена? — Есть. — Назовите, пожалуйста, какое-нибудь женское имя.

— Ну... Телятина.

— На слѣдующее утро новая глава была написана французомъ, изучающимъ русскую жизнь,—продолжалъ Балакиревъ:— и начиналась такъ; это про молодую дѣвушку, героиню: — „Télatine était seule dans sa chambre...“

Балакиревъ картавилъ, т. е. отъ рожденія произносилъ р какъ французы, и потому короткія французскія фразы (хорошо французскаго языка онъ не зналъ) выходили всегда у него съ чисто парижскимъ акцентомъ.

Забавно рассказывалъ онъ также про покойнаго петербургскаго митрополита Исидора.

Нѣкоторые анекдоты, впрочемъ, не представляется возможнымъ передать. Они касаются дѣятелей, живущихъ понынѣ; другіе же, такъ сказать, уже безобидны, такъ какъ затрагиваютъ лицъ „сраму не имущихъ“.

Изъ послѣдней категоріи уморителенъ былъ его рассказъ про покойную игуменью Новодѣвичьяго монастыря Валентину, пріѣхавшую по дѣлу утромъ къ Владыкѣ.

— Она выпивала-съ,—рассказывалъ серіозно Балакиревъ.— Вы не слыхали? Какъ же-съ. И вотъ пріѣзжаетъ она разъ къ Исидору. А ему уже донесли на нее. Н-да-да!.. Здоровается, дѣлаетъ метаніе, начинаетъ говорить. А Исидоръ ей...—(Балакиревъ мѣняетъ тонъ и голосъ на очень тонкій). — Ближе! Валентина дѣлаетъ шагъ впередъ и опять говоритъ, а онъ ей опять: (Голосъ Балакирева еще тоньше)—ближе! ближе!.. (Интонаціи Балакирева непередаваемы по юмору). Наконецъ Валентина совсѣмъ у кресла Владыки. — Нѣгнись... нѣгнись! — говоритъ старчески тихо Исидоръ на ђ... Іещѡ... Іещѡ!... Не слышу... Къ уху нѣгнись... — Она какъ нагнулась... (Балакиревъ говоритъ своимъ собственнымъ голосомъ). Онъ потянулъ носомъ,

почувствовалъ запахъ водки и закачалъ головой. (Опять подражаніе жиденькому тенорку Исидора)—И это ты такъ съ утра!!..

Другой анекдотъ, который запомнился мнѣ и относился также къ тому же митрополиту, касался его и пріѣзжихъ откуда-то изъ провинціи монахинь. Онѣ пріѣхали къ митрополиту и вошли въ пріемный залъ. Митрополитъ вышелъ къ нимъ, благословилъ ихъ, потомъ ихъ напоили чаемъ, накормили, затѣмъ владыка вторично вышелъ къ нимъ, сталъ разглядывать ихъ, разговаривать съ ними и вдругъ поднялъ руки и говорить: матери мои, гляжу я на васъ, да какія же вы всѣ рожи!!..

Въ этихъ и подобныхъ разсказахъ, весело проходило время послѣ концерта, и всѣ развѣзжались, смѣясь и съ удовольствіемъ поминая остроуміе Милія Алексѣевича.

Впрочемъ, нѣкоторые оставались и этимъ недовольны и говорили, что „предпочитають“ игру Балакирева его всегда вызывавшимъ смѣхъ, но „злымъ“ разсказамъ!!

Письмо отъ 3-го мая было слѣдующее:

Глубокоуважаемая Княгиня Марія Васильевна.

Распоряженія касательно рояля сдѣланы. Онъ будетъ доставленъ къ Вамъ въ четвергъ. На оборотѣ письма Вы увидите программу піесъ, которыми я намѣренъ Васъ угостить. Желательно, чтобы она была переписана въ нѣсколькихъ экземплярахъ для Вашихъ гостей. Въ этомъ могли бы помочь Ваши милыя дѣти, а можетъ быть и добрѣйшая Екатерина Петровна не откажется написать машинкой нѣсколько экземпляровъ.

И такъ до четверга.

Искренно Вамъ преданный М. Балакиревъ.

Liszt.	Nocturne № 1.
"	Consolation № 9.
"	Sonnetto di Petrarca № 1.
"	„Il Penseroso“ (написано подъ вдохновеніемъ статуи Микель-Анджело надъ гробницею Medici во Флоренціи).
"	Polonaise (C-moll).
Schumann.	Romance (Fis-dur).
"	Novelette № 3.
"	Vogel als Prophet.
"	Novelette № 2.

Chopin. Mazurka (A-moll).

" Nocturne (Des-dur).

Балакиревъ. Фантазія на темы изъ оперы „Жизнь за Царя“.

...Надо сказать, что другъ мой, Екатерина Петровна Озерова, часто переписывала для редакцій мои литературныя работы и для того взяла взаймы у князя А. В. Б. маленькую печатную машинку Diamond. Про это и вспомнилъ теперь Милій Алексѣвичъ.

Не помню только, была ли переписана программа на машинкѣ или нѣтъ, но помню то неизгладимое впечатлѣніе, которое оставило его исполненіе „Il Penseroso“ („Задумавшійся“ рыцарь, одиноко смотрящій на входящія въ гробницу одно за другимъ поколѣнія людей).

Это было что-то непередаваемое по глубинѣ и философски-религіозному величію. Думы Il Penseroso о каждомъ поколѣніи въ звукахъ рождались, росли, крѣпли... Поколѣніе надѣялось, любило, строилось, укрѣплялось и вдругъ... умирало, уничтожалось, падало въ одинъ мигъ, сокрушеннымъ!.. И снова являлись новыя думы, новое поколѣніе, которое также росло, также переживало всю положенную ему эволюцію и также разрушалось безъ остатка, уступая мѣсто слѣдующимъ и слѣдующимъ думамъ и слѣдующимъ живущимъ.. и все исчезало, рушилось.. оставалось одно: вопросъ... и вѣчность.

Это гениальное симфоническое произведеніе великаго симфониста Листа, я думаю, никогда еще не находило такого подходящаго для себя исполнителя, какъ Балакиревъ. Изъ-подъ пальцевъ его, какъ изваянныя на мраморномъ челѣ думы, выходили звуки, увеличивающіеся до громадъ, и затѣмъ сокрушались, какъ гранитныя глыбы... Холодокъ точно морозилъ щеки, и душа слушающихъ вмѣстѣ съ исполнителемъ переживала восторгъ...

Съ этого вечера „Il Penseroso“ сталъ одной изъ нашихъ самыхъ любимыхъ пьесъ, и Балакиревъ нѣсколько разъ въ годъ, пока былъ въ силахъ, исполнялъ ее.

Послѣ этого концерта въ началѣ мая онъ скоро переѣхалъ въ Гатчину, и оттуда, 20-го того же мѣсяца, я получила оригинальное и вмѣстѣ трогательное по своей какой-то милой наивности письмо. Привожу его почти цѣликомъ, такъ какъ, по-моему, оно освѣщаетъ ту сторону души Милія Алексѣвича, которая какъ бы говорить: homo sum et humani nihil a me alienum puto.

Гатчина. Новая улица 4. 20 мая 1900 г.

„Глубокоуважаемая княгиня Марія Васильевна.

Давно собирался написать вамъ и спросить васъ о вашихъ дѣлахъ и о душевномъ вашемъ настроеніи. Объ этомъ трудно бесѣдовать письменно, но до нѣкоторой степени возможно.

Сегодня пишу къ вамъ подъ впечатлѣніемъ сна. — Этой ночью я видѣлъ во снѣ вашего отца, который былъ веселъ, доволенъ, улыбался и радовался тому, что разбогатѣлъ, при чемъ я подумалъ: *надомо ли?* — Онъ мнѣ подарилъ что-то много денегъ, и я слышалъ внутри себя какой-то нехорошій голосъ, говорящій мнѣ: „не будь щепетилень и бери, коли дадутъ. Тебѣ же деньги вѣдь очень нужны“.

Я дѣйствительно взялъ отъ него въ подарокъ деньги и такъ радовался обладанію значительной суммой, что едва повѣрилъ проснувшись, что это было *во снѣ*.

Я всегда замѣчалъ, что если во снѣ я получаю деньги, то на яву мнѣ приходилось очень расходоваться не по средствамъ и къ тому же совсѣмъ неожиданно. — Такъ и теперь я жду какой-нибудь непріятности денежной и неожиданной.

Во снѣ я такъ былъ тронутъ добрымъ ко мнѣ чувствомъ вашего отца, что не переставалъ его обнимать и *крестить*, при чемъ я сталъ замѣчать, что лицо его какъ-то незамѣтно измѣнилось.

Сообщите о вашемъ здоровьѣ...

Буду ждать отъ васъ извѣстій.

Душевно вамъ преданный М. Балакиревъ“.

На это письмо я отвѣтила ему откровенно, и у насъ завязалась переписка, которую онъ называлъ полемикой, и которая представляетъ изъ себя не мало интереса, для выясненія его глубокой вѣры, но которая, въ настоящее время, не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ опубликована.

Впоследствии, по поводу его письма о моемъ отцѣ, я нѣсколько разъ спрашивала его: не оправдалось ли его предчувствіе денежныхъ непріятностей? Но, къ счастью, оказалось, — нѣтъ, не оправдалось!

Въ этомъ же году я съ удивленіемъ узнала еще черту Милія Алексѣевича. Онъ, такъ тонко понимавшій все неосвязаемо высокое, прекрасное, если позволено будетъ такъ выразиться, — музыку, поэзію, религію, вѣру — онъ оставался совершенно чуждымъ тому, что принято называть эстетикой. Онъ не признавалъ красоты внѣшняго устройства жизни, оставался глухъ и слѣпъ къ ней.

Разъ онъ поразилъ меня въ разговорѣ, серьезно заявивъ, что не видитъ разницы между чудной, старинной работы, стоявшей тутъ же громадной бронзовой, лампой-вазой, и голубымъ рыночнымъ фонарикомъ (точнѣе лампой съ синимъ колпакомъ), висѣвшимъ у него въ гостиной.

На мое возраженіе: что этого не можетъ быть! (онъ ходилъ взадъ и впередъ по гостиной) онъ остановился передо мной и нѣсколько разъ серьезно, глядя мнѣ въ глаза, повторилъ:

— Не вижу-съ! Какая же въ этой лампѣ особая красота? Какая разница? Не вижу-съ... Не вижу разницы-съ... и этимъ навсегда прекратилъ у меня охоту доказывать ему что-нибудь, спорить съ нимъ о чемъ-нибудь, касающемся эстетики. Впрочемъ, совершенно не знаю, былъ ли онъ, до рѣзкости искренній и правдивый вообще,—искрененъ въ этомъ случаѣ или была это просто то, что французы называютъ *une boutade*, камешекъ въ мой огородъ, такъ какъ я преклоняюсь до сихъ поръ и всю жизнь преклонялась передъ всѣмъ прекраснымъ въ мірѣ, т. е. даже передъ любыми красивыми предметами любого прикладного искусства.

Лѣто 1900 года мы проводили въ Гапсаль, но въ концѣ іюля, вслѣдствіе кончины дорогого Александра Петровича Озерова, отца Давида Александровича и нашего большого друга, спѣшно должны были вернуться въ Петербургъ, къ его похоронамъ. Послѣ похоронъ въ Гапсаль мы уже не вернулись, а осень снова провели въ Гатчинѣ, въ помѣщеніи, данномъ Е. П. и Д. А. Озеровымъ въ императорскомъ дворцѣ.

Балакиревъ обрадовался нашему переѣзду въ его любимую Гатчину и по-прежнему сталъ бывать у насъ.

Разъ какъ-то я, предупредивъ его письмомъ о моемъ посѣщеніи, зашла къ нему, но онъ спалъ и я, не велѣвъ будить его, ушла. На слѣдующее утро я получила письмо:

„Глубокоуважаемая княгиня Марія Васильевна.

Въ воскресенье посѣщеніе ваше было совсѣмъ неожиданнымъ для меня, и я очень сожалѣю, что вы не позволили меня разбудить. — Вечеромъ въ тотъ же день я заходилъ къ вамъ, чтобы сказать, что я никакого письма отъ васъ не получалъ. Изъ словъ вашихъ дѣтей я узналъ, что и вы не получали моего письма. Что бы это значило!?

На этой недѣлѣ у меня пятница, суббота и воскресенье не свободны. Остальные же дни я свободенъ, и отъ васъ зависитъ

выбрать удобный для васъ день нашего свиданія, которое можетъ произойти у васъ или у меня.

Я предпочелъ бы сдѣлать наше собраніе у меня, такъ какъ у меня имѣется недурной рояль, и я могъ бы угостить моихъ дорогихъ гостей музыкой.

Пишу вамъ *заказнымъ*, и потому надѣюсь, что это письмо не пропадетъ.

Душевно вамъ преданный

М. Балакиревъ“.

23-го августа 1900 г.

Новая улица 4.

„Отвѣтъ вашъ отправьте *заказнымъ*, или пришлите съ нарочнымъ, чтобы онъ не пропалъ, подобно вашему письму“.

Когда мы свидѣлись съ нимъ, у насъ произошелъ слѣдующій комическій разговоръ о почтовыхъ порядкахъ.

Милій Алексѣевичъ почему-то былъ увѣремъ, что особенно много теряется писемъ, опущенныхъ въ почтовые ящики, помѣщающіеся въ стѣнахъ дворцовъ.

Какъ ни разубѣждала я его въ противномъ,—онъ стоялъ на своемъ и бранилъ наши почтовые порядки вообще.

— Вы знаете ли-съ, что у насъ дѣлается?—по привычкѣ откашливаясь, говорилъ онъ.—Нѣтъ, не знаете-съ! Представьте себѣ, разъ мнѣ спѣшно нужно было послать телеграмму...

(Тутъ, для точности, я должна оговориться, что навѣрное не помню, въ Царское ли, въ Павловскъ, или въ Петергофъ нужно ему было, по его словамъ, изъ Гатчины послать депешу).

— Пишу, — продолжалъ Балакиревъ, — отношу самъ и думаю,—телеграмма будетъ на мѣстѣ черезъ нѣсколько минутъ, а черезъ часъ или два придетъ ко мнѣ отвѣтъ. Спрашиваю на телеграфѣ: какъ скоро будетъ моя телеграмма доставлена адресату? Это, говорятъ, неизвѣстно. Мы ее сейчасъ отправимъ а когда она изъ Петербурга пойдетъ, этого мы сказать не можемъ.—Изъ Петербурга? Зачѣмъ же-съ вы ее отправите въ Петербургъ?..—спрашиваю. И что же-съ оказалось?.. Нда, да!.. Всѣ телеграммы изъ Гатчины-съ идутъ не прямымъ путемъ, а кружнымъ, черезъ главный столичный почтамтъ! Видите-съ!.. Гені-а-аальное-съ распоряженіе!.. — проговорилъ громко Милій Алексѣевичъ.—Я и говорю на телеграфѣ чиновникамъ: а что снята форма головы вашего почтъ-директора? Его черепъ измѣрить бы надо для вразумленія потомства. Нда... нда!..

Княгиня М. В. Волконская.

(Продолженіе слѣдуетъ).